

«Я помню Ваенгу поселком»

А больше всего они любили гулять в загородном парке. В выходные и праздники там собирались все жители поселка от мала до велика.

«Наш парк!» — с гордостью говорил тогда каждый, вкладывая в эти слова собственный смысл.

Неимоверных усилий потребовал он от людей. В течение нескольких послевоенных лет отвоевывали его у скупой, суровой северной природы. В основном трудились добровольно. Это мы, сегодняшние североморцы, воспринимаем субботники как отбывание скучной общественной повинности, да и результаты этих «организационно массовых мероприятий» какие - то однодневные, а тогда в парке работали с душой, для души, отлично понимая, что получится в результате.

Трудно передать словами ликование, царившее в день официального открытия парка. Перед глазами первых отдыхающих наяву возникло настоящее рукотворное чудо! На танцевальной площадке играл духовой оркестр, под звуки вальса кружились пары. Ребятишки качались на качелях. В комнате смеха до критической точки поднималось и так приподнятое настроение. Кипели страсти в бильярдной, на городошной и волейбольной площадках...

Представьте себе, все это было в нашем теперь заброшенном «криминогенном» загородном парке, куда не то что вечером, а и белым днем рискнет зайти далеко не каждый.

Ольга Николаевна Лобова, старожил Североморска, рассказывает о послевоенной поре, показывает старые фотографии. А я от души завидую ее любви к родному городу, к людям, живущим в нем. Всем бы нам сейчас такое чувство, глядишь — и жили бы иначе...

Так же, всем миром, строили городской стадион, который потом много лет не пустовал ни зимой, ни летом. Поначалу не хватало мячей, клюшек, коньков — много чего не хватало, а спортом занимались все желающие.

В канун прихода весны возле ДОФа устраивали всеобщее гулянье с неременной эстафетой по спуску с горы па санках. Сейчас на горке резвятся в основном малыши, а сорок лет назад там катались на лыжах и на санках целыми семьями, классами: кто спустится быстрее всех, кто с завязанными глазами проедет между двумя флажками— хватало фантазии! Вместе с североморцами провожали долгую полярную зиму гигантские сказочные фигуры, вылепленные из снега здесь же у ДОФа.

Такой получался праздник, что затягивалась масленица на добрую неделю...

Я перечитала написанное и подумала, что надо бы подчеркнуть: уж очень получилось восторженно-красиво, этакое светлое прошлое, напрямую противопоставленное нашему серому беспросветному настоящему.

Однако скажите, разве можем мы сомневаться в памяти наших старожилов, корректировать так, как нам удобно сегодня, пережитое ими?

*Я помню Ваенгу поселком —
Бараки, ветхие дома,
В войну обжитые землянки,
Промерзшие в поленницах дрова
Да пять домов пятиэтажных,
На месте Кирова (улицы) — лесок...*

Это строчки из стихотворения Ольги Николаевны Лобовой. Она читает проникновенно, не скрывая волнения, и снова оживают давно минувшие дни...

Первый городской роддом располагался в двух квартирах первого этажа (теперь это дом № 9 на улице Сафонова), и раньше всех о рождении нового жителя поселка узнавали соседи сверху — жильцы большого коммунального «муравейника». Тут же спешили испечь молодой маме блинов, согреть горячего чаю и посмотреть хоть одним глазком на малыша...

На месте, где сейчас стоят многоэтажки улицы Сизова, от центральной почты до кинотеатра «Россия» был густой лес. Во время войны его почти весь вырубил, но позже еще ходили туда за грибами, за ягодами, и начало короткой полярной осени пахло грибным маринадом и морошковым вареньем.

У хозяек каждой коммуналки был свой кулинарный рецепт, и дегустировали блюда опять-таки все вместе, за большим столом, одной семьей...

Ваенге, а потом и молодому Североморску, не хватало зелени — людям хотелось посадить рябины, клоны, липы, березы, — совсем как в средней полосе, ведь новые жители приезжали в послевоенные годы со всей России.

Нашли и транспорт, и деньги, и, конечно, энтузиастов. Много раз ездили в Кировск, где в то время был ботанический сад. Привозили оттуда заботливо укутанные саженцы не только самых разных деревьев, но и кусты смородины, крыжовника. Удобрляли землю, поливали, спасали от мороза. А как радовались первым цветам, крохотным жгуче-кислым ягодам. О том, чтобы сломать не то что дерево — ветку с куста, цветок с клумбы — никто не помышлял. Не было такого!

Вместо нынешнего корпуса ЦРБ было небольшое пастбище, где пасли коров и коз жители Ваенги. По словам тогдашних приезжих гостей, именно в Ваенге было самое жирное молоко, самый вкусный творог и самая красивая, теплая и пушистая козья шерсть.

Ажурные платки, теплые варежки и шапки собственного производства носили поселковые модницы.

Рядом с пастбищем, на Инженерной улице жители разводили кур какой-то удивительной морозоустойчивой породы. Детвора со всего поселка разносила по своим домам пушистых желтых цыплят.

Был в посёлке, разумеется, и Магазин. Что там продавалось? Икра, семга, оленина и много другой всячины, а вот жареная картошка была совсем как у нас сейчас — деликатесом.

Советской улицей

Гордились -

Она единственной была.

В кладовках многие ютились,

Победа радость нам дала...

Советская улица с единственным «пяточком» асфальта перед матросским клубом была центром поселка. На этой улице отсутствовала горячая вода, канализация, но огромная выгребная яма была незаметной даже в нескольких шагах и вполне соответствовала самым строгим санитарным нормам. Порядок на улице был действительно флотским в любое время года.

Матросский клуб — очаг тогдашней культуры — по количеству посещающих уступал лишь загородному парку. Кино, лекция или танцы в клубе — событие общепоселкового масштаба. Конечно, девчонкам из Ваенги в перешитых материнских платьях хотелось пощеголять нарядами перед зенитчицами и медсестрами из флотского госпиталя, а те порой сердились, что им моряки и летчики предпочитают «гражданских» девчат, но свадьбы, десяток - полтора каждый месяц, восстанавливали справедливость...

А годы шли. И мы менялись, И город рос, и флот крепчал, И наконец-то мы дождались. Чтоб сорок лет он отмечал...

Что написать о нас, сегодняшних североморцах? Мы живем, служим, учимся и работаем в городе, основанном и освоенном военными моряками, строителями, рабочими, служащими — самыми разными людьми.

Большинство из них разъехалось, сохраняя в памяти прожитые в Североморске годы, а некоторые старожилы остались здесь, среди нас.

Их одолевают нынешние сложности и проблемы, нынешние повседневные заботы, которые переносят старики, в отличие от нас, с завидным терпением.

Мы не помогаем им. Никак. Даже не пытаемся помочь. Что-то провозглашаем на словах, что-то гарантируем, обещаем, но когда доходит до дела — на стариков не хватает ни денег, ни времени, ни сил.

Да, можно объяснить наше отношение сложной сегодняшней экономической ситуацией в городе: у нас, молодых, здоровых, работающих, туго с жильем, с продуктами, пусто в магазинах.

А чем, скажите, можем мы объяснить наше хамство, грубость, жестокое отношение к пожилым людям в бесконечных «хвостах» очередей? Что только не услышат они от нас, образованных и интеллигентных.

— «Достали» вы нас уже, льготники! — крикнула в очереди за колбасой молодая женщина старушке. Крикнула — и забыла, а у старушки сердечный приступ. Честное слово, я не выдумываю, не нагнетаю страсти, просто сама была свидетелем этому.

А они любят нас, нынешних, - любят свой город. Не верите?

Североморцы жизнь связали

с флотом,

Когда он был чуть обжитым.

Считали флот своим оплотом.

Росли, мужали вместе с ним.

Теперь и флот, и город

наш, и вы —

В расцвете сил и красоты!

Наверное, напрасно взывать к нашей совести, но все - таки давайте будем добрее, будем уважать старость, иначе - на кого сами сможем надеяться на закате собственной жизни?

Светлана Балашова,
спецкор «Североморской правды»